

Санкт-Петербургский государственный университет
Высшая школа менеджмента

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

Л.Е. Шепелёв

**ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ
НЕФТЯНОГО ПРОИЗВОДСТВА
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ**

№ 5 (R)–2009

Санкт-Петербург

2009

Л.Е. Шепелёв. Проблемы организации нефтяного производства в до-революционной России. Научные доклады, № 5 (R)–2009. СПб.: ВШМ СПбГУ, 2009.

Ключевые слова и фразы: история промышленных отраслей, нефтяная индустрия, организация нефтяного производства, историческая динамика состава нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих фирм, история рынка нефтепродуктов.

В докладе анализируются условия нефтяного производства в дореволюционной России, устанавливается состав нефтедобывающих и перерабатывающих фирм, характеризуются условия сбыта нефтепродуктов в конце XIX – начале XX вв. Доклад основан на делопроизводственных материалах нефтепромышленных фирм и государственных учреждений горного ведомства Российской империи, хранящихся в государственных архивах России, Азербайджана и Грузии.

Шепелёв Леонид Ефимович, доктор историч. наук, ведущ.науч.сотр. Центрального государственного исторического архива С.-Петербурга

niim@gsom.spb.ru

© Шепелёв Л.Е., 2009

© Высшая школа менеджмента СПбГУ, 2009

St. Petersburg State University
Graduate School of Management

WORKING PAPER

L.E. Shepelev

**OIL PRODUCTION IN PRE-
REVOLUTIONARY RUSSIA
AND
THE STRUGGLE OVER
PETROLEUM MARKETS**

 # 5 (R)–2009

Saint Petersburg
2009

Shepelev L.E. Oil production in pre-revolutionary Russia and the struggle over petroleum markets. Working Paper # 5 (R)–2009. Graduate School of Management, St. Petersburg State University: SPb, 2009.

Keywords and phrases: history of industrial sectors, oil industry, organization of oil production, historical dynamics of the structure of oil producing and refining companies, history of petroleum products market.

The talk examines the conditions of oil production in pre-revolutionary Russia, the structure of oil-producing and refining firms is identified, the conditions of petroleum products sales in the late XIXth - early XXth centuries are characterized. The talk is based on the material of office work records of petroleum companies and governmental institutions of the mining department of the Russian Empire kept at the state archives in Russia, Azerbaijan and Georgia. Executive Summary is available at p. 27.

Leonid E. Shepelev, doctor of historical sciences, Senior Research Officer at the Central State Historical Archive of St. Petersburg

niim@gsom.pu.ru

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	6
УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ	7
НЕФТЯНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И РЫНОК НЕФТЕПРОДУКТОВ В КОНЦЕ XIX В.	8
НЕФТЯНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И РЫНОК НЕФТЕПРОДУКТОВ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	13
WORKING PAPER	27

Введение

Ситуация на рынке промышленных товаров в условиях капиталистической экономики зависит от ряда факторов, но прежде всего от полезности товара, стоимости его производства и условий сбыта.

Рассмотрим кратко ситуацию в нефтяной промышленности России во второй половине XIX — начале XX вв., имея в виду значение нефти как топлива для двигателей, средства освещения и химического сырья.

Изначально основным источником нефти в России были ее месторождения на Апшеронском полуострове, близ Баку в Азербайджане. Там она была известна давно, поскольку имела самопроизвольные выходы на поверхность. Местными крестьянами она использовалась как топливо и при исполнении некоторых религиозных обрядов. С появлением интереса к нефти как топливу для промышленных целей, нефтеносные земли были объявлены государственной собственностью, а право разведки и добычи нефти стало сдаваться с публичных торгов. Обнаружившиеся со временем все новые возможности полезного использования нефти и продуктов из нее сделали нефть, как в России, так и во всем мире широко востребованным сырьем. Во второй половине XIX века выяснилась возможность использования нефти в качестве промышленного топлива, как в сыром, так и, главным образом, в переработанном виде. Спрос на нефть возрос, когда выяснилась возможность получения из нее керосина, служившего средством освещения и топливом для бытовых приборов при приготовлении пищи. Столь же важной была возможность получения из нефти бензина, необходимого для появившихся двигателей внутреннего сгорания (автомобили, авиация), а затем и выработки электричества.

Важным обстоятельством было то, что основными потребителями нефти и нефтепродуктов были промышленные районы страны, удаленные от Баку на сотни и тысячи километров. Перевозка нефти осуществлялась в цистернах и танкерах по Волге и по немногим постепенно строящимся железным дорогам, что существенно удорожало нефть и было опасно в пожарном и экологическом отношении. Перевозилась в основном сырая нефть, поскольку переработка ее в местах добычи по ряду причин была затруднительна.

Добыча и переработка нефти оказывались обеспеченными устойчивым спросом на нефтепродукты как со стороны активно развивающейся промышленности, так и со стороны населения страны. Выгодное приложение капитала делало нефтяную промышленность активно развивающейся отраслью российской промышленности и ареной напряженной борьбы соперничающих фирм. История этой борь-

бы и деятельности монополистических объединений в нефтяной промышленности получила освещение в сборнике архивных материалов «Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1885–1914», вышедшем в 1961 г. в Издательстве Академии наук (796 стр., тираж 1250 экз.). Опубликованные в сборнике документы послужили основным источником сведений для настоящего очерка.

Условия развития нефтяной промышленности в дореволюционной России

Возможности добычи нефти в главном районе ее залегания — на Апшеронском полуострове — определялись временными Правилами о нефтяном промысле, изданными правительством 3 июня 1892 г. Все казенные земли полуострова до 67°9' меридиана восточной долготы были объявлены заведомо нефтеносными. Всякие поиски нефти частными лицами на данных землях запрещались. Земли эти могли сдаваться впредь только в аренду на условиях уплаты единовременного взноса или за известную денежную плату с каждого пуда добытой нефти (попудную плату), взимаемую с определенного минимума добычи нефти на данном участке. Попудная плата и минимум устанавливались посредством соревнования на торгах. При этой системе сумма годовых арендных платежей за нефтеносный участок не зависела от колеблющейся рыночной цены нефти, оставаясь неизменной в течение всего периода аренды. В том случае, когда годовая добыча нефти была меньше установленного для данного участка минимума, нефтепромышленник был обязан уплатить казне недостающую сумму. Арендная плата начинала взиматься сразу же после утверждения торгов. Такие условия аренды отвечали интересам фиска и вместе с тем ограничивали конкуренцию в нефтяном деле. В 1896–1900 гг. состоялись торги I–IV очередей на нефтеносные земли. Всего было сдано в аренду 315 дес., что составляло к 1901 г. треть всей нефтепромысловой площади Бакинского района. Ажиотаж, царивший на торгах, привел к резкому увеличению цен на нефтеносные земли. Средний размер арендной платы, приходившийся на пуд добытой нефти, вырос с 0,5 коп. до 2,33–2,91 коп. на I и II торгах и до 5,82–6,03 коп. на III и IV торгах т.е. увеличился в 12 раз. Рост ренты повлек за собой и резкое увеличение продажных цен на нефть, керосин и топливный мазут. Основным потребителем последнего была сама казна (в 1899 г. на нужды казенных железных дорог, заводов и военного флота было отпущено 52% всего количества нефтяного топлива). Многие фирмы не приступали к эксплуатации заторгованных участков III и IV очередей и соответственно не вносили попудной платы, добиваясь облегчения условий аренды. Именно эти обстоятельства

продиктовали правительству необходимость изменения закона 1892 г. Изданные 12 июня 1900 г. новые временные правила о нефтяном промысле заменили постоянную попудную плату отчислением в пользу казны части добытого количества нефти (долевое отчисление), которое должно было взиматься либо натурой, либо деньгами, по среднебиржевой цене за каждое полугодие. Новыми временными правилами устанавливалась шкала арендных платежей казне, которая целиком зависела от рыночной стоимости нефти. Эта система была особенно выгодна старым нефтяным фирмам, которые владели землями на условиях уплаты наиболее низкой ренты. Последнее обстоятельство позволяло этим фирмам предлагать на торгах чрезвычайно высокий процент долевого отчисления нефти (до 60–70%) и тем самым препятствовать появлению новых конкурентов. Временные правила 1900 г. первоначально были установлены на 3 года в виде «опыта». Затем срок их действия три раза продлевался. Неудовлетворительность данных правил продемонстрировали торги V и VI очередей (1903 и 1906 гг.), которые были затем отменены Сенатом. 14 мая 1900 г. приняты правила относительно малоисследованных нефтеносных земель, на которых разрешалась разведка и последующая добыча нефти. Для этого отводились путем жеребьевки участки размером 37,5 дес. В случае нахождения нефти арендатору данного участка предоставлялись без торгов 10 дес. Остальные земли объявлялись заведомо нефтеносными и поступали в казну для продажи с торгов. Практика применения этих правил показала, что они являются одним из способов незаконного получения богатых нефтеносных земель без торгов. Система, введенная в 1900 г., действовала до 1912 г. (ПСЗ 3, 1892, №8659; ЦГИА СПб, ф. 1263, оп. 2, д. 5560, л. 206–210; ф. 37, оп. 33, д. 83, л. 175–180; Былим-Колосовской, 1903).

Нефтяная промышленность и рынок нефтепродуктов в конце XIX в.

Развитие нефтяной промышленности в России прошло два этапа. **Первый** обнимает примерно 1872–1901 гг. Это время бурного подъема. Для того, чтобы достичь добычи в 200 млн. пуд., бакинской промышленности понадобились восемнадцать лет, чтобы удвоить эту добычу — шесть лет, чтобы утроить — еще пять лет. К концу XIX в. Россия заняла первое место в мире по добычи нефти, опередив США. **Второй** этап (1902–1917 гг.) — время нарастающего упадка. Нефтяная индустрия — единственная из всех отраслей российской промышленности, не сумевшая достичь докризисного уровня. Общероссийская добыча нефти, составившая в 1901 г. 706 млн. пуд., упала до 456 млн. пуд. в 1905 г., несколько увеличилась в последующие годы

— с 490 млн. пуд. в 1906 г. до 588 млн. пуд. в 1910 г., и затем снова пошла книзу — до 560 млн. пуд. в 1913 г., т.е. сократилась в годы промышленного подъема. В результате доля России в мировой добыче уменьшилась почти втрое — с 51,6% в 1901 г. (США — 39,8%) до 18,1% в 1913 г. (США — 62,2%) (Монополистический капитал... М.; Л., 1961, с. 19).

Нефтепромышленники неизменно выдвигали в объяснение упадка нефтяной промышленности версию об «истощении недр» — версию, которая приобрела официальный характер. Однако, даже в бакинском районе (где в 1913 г. добывалось без малого 70% русской нефти) не было естественного истощения недр. Имело место иное — прогрессирующее уменьшение средней производительности скважин. Но это явление, в определенной степени неизбежное, являлось в конкретных условиях Баку начала XX в. прежде всего, производным от хищнической добычи предшествующих десятилетий, от погони за фонтанами и т.п. Главное: уменьшение производительности не перекрывалось интенсификацией методов разведки, бурения, добычи, а нефтяная промышленность, по самой природе своей, требует непрерывных капиталовложений, обновления и усовершенствования техники производства, без чего невозможно не только увеличение добычи, но и сохранение ее в прежних размерах. Техника же оставалась в нефтяном Баку в основном на уровне 1870–1880-х гг., когда завершился здесь промышленный переворот.

Совершенствование техники нефтедобычи сдерживалось в частности возможностью использования обильной дешевой рабочей силы. Число рабочих, непосредственно занятых на бакинских промыслах, с 680 человек в 1873 г. выросло до 6 тыс. в 1890 г. и 28 тыс. в 1901 г., оставаясь примерно на таком же уровне в течении всех дореволюционных лет (Монополистический капитал..., 1961, с. 9). К промысловым рабочим надо добавить несколько тысяч человек, занятых на нефтеперегонных заводах и на буровых работах, выполняемых подрядным способом. Гонимые малоземельем и нищетой, готовые согласиться на любые условия труда, в Баку стекались крестьяне — отходники из губерний земледельческого центра России, из различных районов Закавказья, из Дагестана, выходцы из Южного (Иранского) Азербайджана.

Политика крупных фирм находила свое выражение и в том, что значительная часть готовых скважин либо была заброшена и вовсе не эксплуатировалась, либо эксплуатировалась только несколько месяцев в году. При этом показатели использования скважин у фирм, обладавших самыми богатыми нефтеносными землями, были намного ниже средних показателей всей массы фирм, Искусственное сокраще-

ние добычи закладывало основу грабительски высоких цен. Следующий шаг — свертывание производства по переработке нефти. Нефтяные короли добивались этого закрытием заводов, лишением аутсайдеров необходимой для возобновления работы серной кислоты и т.п. Даже в условиях промышленного подъема и резкого роста спроса на топливо сохранялись громадные запасы нефти — около 70% добычи в 1911 г. и 50% в 1913 г. (Монополистический капитал..., 1961, с. 21).

Вместе с тем Россия (с ее холодными зимами) была страной хронического топливного дефицита, порожденного засильем монополий, неразвитостью и упадком производства местных видов топлива, недостаточностью транспорта и единственной в своем роде «пространственной централизацией топливодобычи»: Донбасс и Баку находились на расстоянии тысяч верст от районов потребления. В обычное время минерального топлива хватало (и то не полностью) для промышленно-технических нужд; в целом же топливный баланс России оставался дровяным. Не удивительно, что каждый период повышенного расхода топлива приводил к настоящему топливному «голоду».

Топливный «голод» был одновременно угольным и нефтяным. Каждый из них имел свои особенности: в одном случае — ограничение роста добычи угля, отстававшей от роста спроса (особенно если включить в него спрос потребителей, переходивших с нефти на уголь); в другом случае — падение добычи нефти и особенно значительное повышение цен. В 1910–1913 гг. цены на нефть и нефтяное топливо выросли не менее чем в три раза — и это на фоне длительного, почти непрерывного возрастания их более чем вшестеро за десять лет (с 1902 г.). Если же взять данные отдельных месяцев и учесть дифференциацию цен для отдельных групп потребителей, то картина станет еще выразительней.

Нефтяной «голод» раньше и сильнее всего поразил речное судоходство, торговлю и промышленность Приволжского района. Многие пароходные компании потерпели крах; даже повышение фрахтов не спасало их от убытков. Близким к этому было положение ряда железных дорог, фабрик и заводов. По приблизительным подсчетам, повышение цен на нефть только в одном 1912 г. заставило русскую промышленность переплатить около 100 млн. руб. Прибыль всех нефтепромышленных компаний, составлявшая в 1910 г. 23,6 млн. руб. — 12,3% к основному капиталу, а в 1911 г. — 35,6 млн. руб. или 16%, уже в следующем 1912 г. выросла до 66,4 млн. руб. — 26,3%, а в 1913 г. достигал 96,4 млн. руб., или 28,7%, т.е. увеличилась абсолютно более, чем в четыре раза, а относительно более, чем в два раза (самый же рост основных капиталов носил в нефтяной промышленности в значительной мере спекулятивный характер, вовсе не свидетельствую

о расширении производственных фондов). Еще выше была прибыль 11 крупнейших компаний: 18,5% в 1910 г., 24,3% в 1911 г., 43,8% в 1912 г. и, наконец, 48% в 1913 г. Если учесть, что среднегодовая прибыль русской промышленности накануне войны составляла примерно 15,7%, то это значит, что барыши нефтепромышленников превосходили почти вдвое, а крупнейших фирм более чем втрое норму прибыли, достававшуюся всему российскому капиталу (Монополистический капитал... 1961, с. 21).

В 1883 г. в Бакинском районе существовала лишь одна фирма с добычей нефти свыше 10 млн. пуд., а через десять лет таких фирм было уже двенадцать. В период промышленного подъема 1890-х годов число их сохранилось, доля же в общей добыче выросла с 59 до 67% (в 1901 г.), не изменившись существенно и в последующее время. Спустя десять лет крупнейшие фирмы добывали около 55% бакинской нефти, но на долю семи фирм, с добычей свыше 20 млн. пудов каждая, приходилось 44% добычи всех 178 фирм. Наиболее разительны данные, касающиеся нефтеперерабатывающей промышленности. Число керосинных заводов неуклонно сокращалось: с 90 в 1893 г. до 83 в 1901 г., за годы кризиса уменьшилось до 78, а к исходу полосы депрессии и началу предвоенного подъема до 53 (1911 г.). Если учесть хронически бездействовавшие заводы (в 1901 г. — 14, в 1904 г. — 23, в 1908/09 — 52), то подлинные размеры концентрации станут значительно больше. Наиболее же крупные заводы — с производительностью от 5 млн. пудов и больше, составляя в разные годы от одной седьмой до одной двадцатой от всей массы действующих предприятий, давали от 37% (в 1901 г.) до 63% (в 1903 г.) и 72% (в 1909 г.) всего керосина, производимого в Баку (Першке С. и Л., 1913).

Однако даже и эти данные не полностью отражают важную особенность развития нефтяной промышленности: резко выраженное неравенство не только между крупными предприятиями и массой мелких и средних, но и в среде самих крупных, с выделением нескольких гигантских для того времени предприятий. К ним относятся, прежде всего, Т-во «Бр. Нобель», основанное в 1879 г. и уже к 1883 г. вступившее, по словам фирменного отчета, «в период полного развития своих операций». Эта дата может быть принята как исходный рубеж складывания фирм, претендующих на доминирующее (монопольное) положение в нефтяной промышленности России.

Семейство Нобель — шведского происхождения давно укоренилось в России. Людвиг Нобель еще в середине XIX в. основал в Петербурге механический чугуно-меднолитейный и котельный завод («Людвиг Нобель»), на котором впервые в России была сооружена «кубовая батарея» для непрерывной перегонки нефти. Первые ее ва-

рианты были громоздки и дороги, что затрудняло распространение этой конструкции. В 1874 г. Нобели впервые знакомятся с зарождающейся в России нефтяной промышленностью. Они арендуют в бакинском районе у частных лиц нефтеносные земли для бурения, а в 1875 г. покупают небольшой керосиновый завод. Понимая широкие возможности, открывавшиеся перед новой отраслью промышленности, и необходимость для выгодного ведения дела вложений крупных капиталов, Нобели в 1879 г. акционируют свое новое предприятие. Первоначальный акционерный капитал Товарищества был определен в 3 млн. руб., к 1882 г. он был увеличен до 10, а к 1884 г. — до 15 млн. руб. В 1884 сумма всех его основных капиталов возрастает до 21,7 млн. руб. Часть выпущенных облигаций и акций вводится в котировку берлинской биржи и размещается за границей (Монополистический капитал..., 1961, с. 662; Бакинская нефтяная промышленность..., 1896; Двадцатипятилетие Товарищества нефтяного производства..., 1904; 30 лет деятельности Товарищества нефтяного производства..., 1914). С самого начала своей деятельности Товарищество стремится к монополизации нефтяной промышленности. В этих целях оно скупает и арендует нефтеносные земли, сосредотачивая в своих руках нефтесохранилища, и приобретает господство над основными средствами транспортировки нефтепродуктов. Стремясь задушить конкурентов, Нобели впервые в значительных масштабах вводят танкерную перевозку нефти, вагоны-цистерны, непрерывно действующий нефтеперегонный куб, сооружают первый в России нефтепровод. По мере развития нефтяного предприятия Нобелей их машиностроительный завод начинает специализироваться на производстве промыслового оборудования и нефтяных двигателей. Впервые в России, освоив изготовление двигателей Дизеля и значительно усовершенствовав их, завод становится почти монопольным их производителем.

Буржуазная литература создавала вокруг имени Нобелей ореол «цивилизованных капиталистов», чья деятельность в корне изменила весь строй русской нефтяной промышленности. Если в последнем утверждении и содержится некоторая доля истины, то состоит она в том, что Нобели не только смогли вложить в нефтяное дело значительные для того времени капиталы (нажитые ими в основном в самой России на военных поставках казне), но сумели вовремя оценить и с громадной выгодой для себя применить целый комплекс идей и изобретений, предложенных плеядой выдающихся русских ученых и инженеров-нефтянников. Конечно, применялись лишь те открытия и изобретения, которые сулили скорый коммерческий эффект и преимущества в коммерческой борьбе. И, наоборот, — против всего, что могло помешать установлению их монополии или ослабить ее, Нобели ополчались са-

мым яростным образом, не брезгуя никакими средствами для достижения цели. Об этом убедительно говорят их поход против употребления деревянных барж, предпринятый Нобелем для вытеснения с Волги местных нефтеторговых и транспортных предприятий; и кампания против сооружения нефтепровода от Баку к Черноморскому побережью с целью не допустить самостоятельного выхода остальных фирм на рынки Юга России и заграницы; и возведение каменных заграждений на пути строительства новых ветвей Закавказской железной дороги, чтобы помешать увеличению ее провозоспособности и многое другое.

Доминирование нобелевской фирмы не могло быть длительным. Наиболее опасным конкурентом ее с середины 1880-х гг. становится «Каспийско-Черноморское общество», которое из рук русских предпринимателей перешло к парижскому банкирскому дому Ротшильдов. Новые хозяева использовали благоприятные условия сначала для быстрого расширения экспортного дела, подчинив себе с помощью кабального кредита десятки фирм, а затем и для проникновения на внутренний рынок. Менее самостоятельную роль в «триумvirате» крупнейших бакинских нефтепромышленников играла фирма А. И. Манташева, вокруг которой объединился ряд средних и сравнительно крупных местных промышленников.

Нефтяная промышленность и рынок нефтепродуктов в начале XX века

К 1901 г., когда нефтяная промышленность России достигла кульминационной точки своего развития, в руках Нобеля, Ротшильда и Манташева сосредоточилось более четверти всей добычи Бакинского района и около 40% производимого здесь керосина. Еще выше была доля трех фирм в вывозе: им принадлежало около половины всех нефтепродуктов, отправленных внутрь России (в том числе свыше трети — одному Нобелю), и почти 70% вывоза из Батума за границу.

Масштабы и формы подобных предприятий, соединявших все виды нефтяного производства, транспортные средства и торговлю нефтепродуктами, свидетельствовали, что к концу XIX — началу XX в. процесс перерастания «свободной» конкуренции в господство отдельных фирм зашел в нефтяной промышленности значительно дальше, чем в родственных по социально-экономической структуре отраслях добывающей индустрии Юга России (каменноугольной и металлургической), не говоря уже о других отраслях русской промышленности. О Товариществе «Бр. Нобель» и ротшильдовской группе уже для этого времени можно говорить, как об объединениях трестовского типа, понимая под этим (при всех вариациях юридического характера) высшую ступень

монополизации с объединением различных предприятий одной или нескольких отраслей, управляемых из одного центра.

Вместе с тем, не только в начальный период, но и в более позднее время в нефтяной промышленности существовали краткосрочные соглашения простейшего, картельного типа. Как правило, они охватывали внутренний рынок и заключались с целью ограничения сбыта и повышения цен. Но эти широкие по своему составу соглашения не имели самостоятельного значения, являясь придатком к господству фирм — монополий Нобеля и ротшильдовской группы (в состав которой в конце 1890-х годов вошло специально созданное для операций внутри России торгово-транспортное общество «Мазут»). Конкуренция между ними в свою очередь переплеталась с общими действиями, сначала спорадическими, а затем принимающими более прочную форму многолетнего соглашения, известного под названием «Нобмазут» (Нобель плюс «Мазут»). Предыстория этого соглашения восходит к концу XIX в., а окончательное оформление приходится на 1903–1906 гг., завершая собой полосу кризиса и связанного с ним резкого ослабления и до того весьма относительной самостоятельности большинства бакинских фирм. Неоднократные попытки этих фирм «пробиться на внутренние рынки», либо с помощью организации собственных перевозок и путем соглашения с волжскими судовладельцами, либо созданием общей монополистической организации наткнулись на упорное, хотя и не всегда прямое противодействие «Нобмазута». Нефтепромышленные фирмы, как и судовладельцы, среди которых Нобель и Ротшильд имели многочисленных «вассалов», не могли достичь единства действий. После 1910 г., когда была предпринята наиболее значительная, но также безуспешная попытка создания «Проданефти», инициаторы ее уже больше не возвращались к прежним планам.

Структура нефтяной промышленности в России была весьма неоднородна. На одном полюсе — немногочисленные крупнокапиталистические предприятия, на другом — масса мелких и средних предприятий с весьма примитивной организацией производства. До конца XIX в. сохранялось в довольно-широких масштабах мелкое производство — так называемая кустарная добыча. Вытесненная конкуренцией крупных предприятий, она почти сходит на нет в начале 1900-х гг., но затем, в связи с нефтяным кризисом предвоенных лет, вырастает вновь. Количественно преобладали единоличные и семейные предприятия, часто действовавшие в архаичной форме «торговых домов». Основателями предприятий являлись бывшие откупщики, как Мирзоев, и крупные купцы, сколотившие состояние на экспортной торговле, как Манташев. В целом ряде случаев местные нефтепромышленники

из среды азербайджанской и армянской буржуазии обладали одновременно предприятиями в других отраслях. В начале XX в., особенно в предвоенные годы, происходит при решающем участии частных банков, интенсивный процесс акционирования нефтяной промышленности. К нескольким ранее существовавшим крупным акционерным предприятиям (первое из них, Бакинское нефтяное о-во, основано в 1874 г.) прибавляется много новых. Акционерные компании становятся основной формой организации нефтяных предприятий. Происходит известная нивелировка в их экономическом строе и правовом положении. Число самостоятельных фирм резко сокращается — в размерах, не поддающихся точному статистическому выражению, так как преобладали замаскированные формы этого процесса (система «участий», личная уния и др.). Прежние владельцы предприятий либо вовсе уходят из «дела», заменяясь подставными лицами банков, либо превращаются в послушную клиентуру банков. Только единицы из числа крупных нефтепромышленников, вроде Лианозова, Манташева и некоторых других, срачиваясь с банковской верхушкой, пополняют собой ряды финансовой олигархии. Все эти изменения являются, в свою очередь, результатом глубоких сдвигов в сфере нефтяного производства, приобретающего все более концентрированный характер. Соотношение сил, установившееся к концу XIX — началу XX в., сохранилось с незначительными изменениями вплоть до предвоенных лет, когда в нефтяном Баку сложился ряд новых финансово-капиталистических групп и трестовых объединений, а старые приобрели более отчетливо выраженный «новейше-капиталистический» характер. В одних случаях этот процесс происходил в форме простой перемены хозяев: так место Ротшильдов занял мировой нефтяной трест «Ройал Датч Шелл К^о» (Royal Dutch Shell C^o); в других — путем превращения номинально самостоятельных предприятий в дочерние и зависимые (так действовали и «Шелл», и Нобели). Самым же важным фактом этого периода явилось создание «Русской генеральной нефтяной корпорации» (Russian General Oil Corporation, сокращенно «Ойль») — одной из наиболее крупных монополий России.

Накануне первой мировой войны на долю десяти крупнейших фирм приходилось 53% всех разрабатываемых нефтеносных земель, в том числе на долю четырех фирм (Т-ва «Бр. Нобель», Бакинского нефтяного о-ва, «Бр. Мирзоевых» и Каспийско-Черноморского о-ва) — 36% этих земель, притом лучших по качеству. Захват нефтеносных земель служил монополистам источником дополнительной прибыли и средством ограждения от новых конкурентов. «Земельный голод», на который, не уставали жаловаться нефтепромышленники, был одним из факторов повышения цен. Он способствовал вместе с тем

осуществлению давнишнего плана нефтяных магнатов: прибрать к своим рукам весь остаток еще не розданных казенных земель, плана, который под флагом так называемого «Паевого товарищества» был весьма близок к своему осуществлению накануне войны.

Утвердившись в Бакинском районе, нефтяные монополии получили реальную возможность контролировать разработку старых и новых месторождений в других районах страны: в Ухтинско-Печорском бассейне, на Северном Кавказе и в Грузии, на островах Каспийского моря (Челекен), в Средней Азии (Фергане), Урало-Эмбинском районе и др. Методы захвата этих месторождений немногим отличались от тех, которые практиковались монополистами в Баку, как и цели, которые при этом преследовали: консервация новых источников нефти являлась одним из главных рычагов «регулирования» — удержания монопольно высоких цен на рынке. Формально договоры, заключенные казной с арендаторами, обязывали их через определенный промежуток времени приступить к добыче. Но нефтепромышленники откровенно саботировали эти условия.

Мировой экономический кризис 1900–1903 гг. сказался на положении нефтяной промышленности России с конца 1900–начала 1901 г. Выросли запасы нефтепродуктов, упали цены на них в Баку, хотя добыча нефти еще продолжала расти, достигнув в 1901 г. максимальных размеров — 707,2 млн. пуд. Но уже в следующем 1902 г. она сократилась до 672,5 млн. пуд., а в 1903 г. — до 631,1 млн. пуд. (соответственно в Бакинском районе с 672 до 633 и 598 млн. пуд.). Одновременно увеличилось число бездействовавших скважин: с 583 (30,6%) в 1901 г. до 1043 (43,6%) в 1912 г. и 1172 (45,5%) в 1903 г. Нефтепромышленники сокращали буровые работы. Вместо 83 140 саж., пройденных бурением в 1900 г., 1901 г. дает 75 783 саж., а 1902 г. — только 40 390 саж., 1903 - 49 355 саж. Число керосиновых заводов Бакинского района сократилось с 83 в 1901 г, до 78 в 1903 г., из которых бездействовали в первом случае 14 заводов (17%), во втором — 21 завод (27%). В основном это были мелкие и средние предприятия, разорявшиеся под ударами кризиса. Среднегодовая цена сырой нефти в Баку снизилась за 1900–1902 гг. в 2,3 раза, керосина (в вагонах) — в 3,4 раза, нефтяных остатков — в 2 раза. В отдельные месяцы цены падали еще ниже, наибольшее снижение их приходится на декабрь 1901 – март 1902 г. (Монополистический капитал ..., 1961, с. 694). Столь сильное падение цен, выделявшее положение нефтяной промышленности и на общем кризисном фоне, связано в значительной мере с исключительно высоким, вздутым уровнем цен в кульминационной точке подъема 1890-х годов, когда фабрично-заводская промышленность России переживала «топливный голод», приносив-

ший громадные доходы нефтяным фирмам. Даже сократившись, цены на сырую нефть продолжали находиться на уровне 1895–1897 гг., цены нефтяных остатков — на уровне 1896–1897 гг., цены керосина — примерно на уровне 1894–1895 гг. Крупнейшие фирмы, прежде всего Т-во «Бр. Нобель» и Каспийско-Черноморское нефтепромышленное и торговое о-во, используя свое монопольное положение на главных потребляющих рынках, имели возможность удерживать здесь сравнительно более высокие (за вычетом транспортных издержек) цены, чем в Баку. В еще большей мере разница между ценами в местах добычи и на потребляющих рынках использовалась в качестве источника сверхприбыли иностранными фирмами-экспортерами, входившими в монополистические объединения для торговли русскими нефтепродуктами. Акционерные предприятия в нефтяной промышленности России оставались в целом прибыльными и в условиях кризиса (причем средняя прибыль нефтяных обществ превышала доход от процентных бумаг). Такие же фирмы, как Т-во «Бр. Нобель», Каспийско-Черноморское нефтепромышленное и торговое о-во, Бакинское нефтяное о-во, Русское т-во «Нефть» и Каспийское т-во, выдавали дивиденды в размере 20-37 и даже 68%. В условиях кризиса усилился процесс концентрации производства и капиталов, складывания монополистических союзов и соглашений нефтепромышленников.

Опубликованные в сборнике 1961 г. материалы рассказывают о создании в 1892 г. Товариществом «Бр. Нобель» и Каспийско-Черноморским обществом объединения нефтепромышленных фирм — «Союза бакинских керосинозаводчиков» — для сбыта российского керосина за границу и раздела сфер влияния с рокфеллеровским нефтяным трестом. Исход борьбы определился, в конечном счете, как превосходством финансовой мощи и торговой организации американского треста, так и остротой противоречий внутри антирокфеллеровской «коалиции»: противоречий между Нобелем и Ротшильдом, между ними и остальными бакинскими фирмами, наконец, между русскими экспортерами и английскими комиссионерами, которые, продолжая держать в своих руках большую часть вывоза русского керосина, начинают одновременно превращаться в нефтепромышленников в разных концах мира — в Индии, Индонезии и в самой России.

К исходу кризиса, точнее — к 1905 г., позиции бакинских монополий на мировых рынках значительно ослабевают. Нефтепромышленники и царские чиновники взаимно упрекали друг друга в упущенных возможностях: одни ссылались на запоздание государственной поддержки, громоздкость бюрократического механизма регулирования вывозных тарифов, другие — на разобщенность усилий

и конкуренцию между самими экспортерами и т. д. Упреками этими пестрят документы, которые при всей своей односторонности в какой-то мере проливают свет на подлинное положение вещей. Таковы, например, документы, освещающие историю строительства Каспийско-Черноморского нефтепровода. В целом упадок экспортного дела определялся технико-экономической отсталостью царской России, в частности, отсутствием у России своего нефтеналивного океанского флота, развитой судостроительной промышленности и т. д. Возможность же получить огромные прибыли внутри страны лишала нефтепромышленников стимула к значительным вложениям в экспортное дело. Сами дефекты его служили, в конечном счете, орудием усиления господства и обогащения: крупнейших фирм.

К началу первой мировой войны нефтяные тресты («Нобель», «Шелл» и «Ойль») сосредоточили в своих руках 86% всех акционерных капиталов и 60% добычи нефти в стране. Если к этому добавить, что из 15 наиболее крупных кавказских нефтепроводов 12 принадлежали трем указанным группировкам, контролировавшим благодаря этому до 90% выхода промышленной нефти к заводам и пристаням, то картина станет еще более рельефной.

Сила нефтяных монополий определялась не только высоким уровнем концентрации производства и сбыта, но и сосредоточением в их руках значительной и наиболее продуктивной части нефтяных источников. Эта особенность в условиях царской России имела специфическое происхождение. Нефтяные богатства Апшеронского полуострова находились в недрах земель, составлявших собственность казны. Царизм унаследовал их от бакинского хана — вместе с населявшими эти земли крестьянами, которые были превращены в государственных крестьян («государственных поселян») и оставались в таком положении фактически вплоть до Октябрьской революции. Сохранение в почти неизменном виде прежних, феодальных форм эксплуатации дополнялось и усложнялось колониальным произволом — изъятием земель, входивших в состав наделов государственных крестьян, насильственным переселением крестьян в другие места, малоудобные или вовсе непригодные для ведения хозяйства и жизни.

Уже со времени учредительной горячки 1870-х годов к вновь открывшемуся источнику доходов потянулась придворная знать и высшая бюрократия. То, что вначале совершалось открыто, в форме «высочайших пожалований», затем делалось в иных формах, но с тем же результатом. Расхищение богатейших земель в Сураханах носило настолько бесцеремонный характер, что против этого возропта-ла Государственная дума.

«Высочайше» пожалованные и другие частновладельческие земли, в том числе и нефтеносные земли беков, переходили, в конечном счете, на правах собственности и аренды к крупным нефтепромышленникам. В их же интересах самодержавие осуществляло массовую экспроприацию крестьянских земель. На словах законодатели стояли за ограничение концентрации нефтеносных земель, за допущение к ним — с помощью открытых торгов — мелких и средних промышленников. Но действительность опрокидывала эти расчеты, не без содействия самого правительственного аппарата; чем сложнее и запутаннее становилась бюрократическая регламентация пользования землями, тем меньше оставалось места для конкуренции.

Поскольку царизм был заинтересован в развитии как транспортной структуры страны, так и современной крупной промышленности (для которых во все возрастающих размерах требовалось минеральной топливо), он вынужден был учитывать потребности нефтепромышленников. Вместе с тем для сохранения власти, для содержания огромного военно-полицейского и чиновничьего аппарата самодержавие нуждалось в новых источниках дохода, которые давала ему в частности нефтяная промышленность. По расчетам, относящимся к началу XX в., нефтяная промышленность при «нормальных условиях» приносила казне до 100 млн. руб. в год, слагающихся из 30 млн. руб. акциза, 10 млн руб. арендных доходов и 60 млн. руб. доходов железнодорожных и других (РГИА, ф. 23, оп. 27, д. 168, л. 10.). К этому следует добавить, что царизм, финансы которого со времени Крымской войны находились в состоянии хронического расстройств, искал выход из положения в максимальном расширении экспорта и накоплении, таким образом, золотого запаса — основы для проведения денежной реформы и сохранения в дальнейшем бюджетного равновесия. Покровительство, оказываемое нефтепромышленниками, в громадной степени диктовалось этим последним соображением.

Если запретительные таможенные пошлины, сыгравшие первоначально положительную роль в становлении русской нефтяной промышленности, прямо превратились затем в средство установления монопольно высоких цен внутри России, то, в конечном счете, этому способствовали и введение акциза, и система железнодорожных тарифов, вывозные премии и ссуды Государственного банка.

Как и в других отраслях добывающей промышленности, «охранительными» и «поощрительными» мерами царского правительства широко воспользовались иностранные капиталисты. Появление Ротшильдов в середине 1880-х гг. открыло полосу экспансии западноевропейского капитала. Кульминационный пункт ее приходится на конец XIX в. — время, когда в Западной Европе и США быстро шел

процесс складывания финансового капитала, устремлявшегося в поисках новых, более прибыльных сфер приложения далеко за пределы своих национальных границ. Правительственная политика в вопросе о «допущении» иностранцев к нефтяному промыслу на Кавказе претерпела ряд колебаний. Наиболее острый конфликт в правящем лагере по поводу отношения к иностранным капиталам в целом (1898–1899 гг.) имел конкретную «нефтяную» подоплеку. Вызывало тревогу «нашествие» иностранцев. В частности, встречается довольно откровенная характеристика ростовщических методов и паразитических доходов Ротшильдов — английских предпринимателей. Обычно такие документы исходили от кавказской администрации и встречали сочувственный отклик у тех министров, в чье ведение входила внутренняя политика. В проникновении иностранного капитала они усматривали угрозу подчинения нефтяной промышленности России интересам ее конкурентов, прежде всего американской Стандарт Ойл К^о (Standart Oil C^o). Выход из положения они видели в законодательном запрещении перехода нефтеносных земель к иностранцам, либо в максимальном ограничении такого перехода.

Однако «диким» помещикам, платформу которых разделял и Николай II, пришлось отступить. За французскими и английскими концессионерами стояли крупнейшие банки — хозяева западноевропейского денежного рынка, а без постоянного обращения к иностранному кредиту, без новых внешних займов царизм уже не мог обходиться. Именно это соображение перевешивало, в конечном счете, все остальные, и в 1880-х годах, когда речь шла о Ротшильдах, и в конце 1890-х годов, в разгар экспансии английского капитала, попытки «устранить» иностранцев из нефтяной промышленности окончились неудачей. Выработанная же в результате поисков компромисса бюрократическая процедура утверждения вновь возникающих обществ открывала наиболее влиятельным из иностранных учредителей возможность сравнительно легко обходить ограничительные статьи законов. Чаще всего они прибегали к созданию, с помощью различных посредников, предприятий на «русском уставе», что было не только проще в юридическом отношении, но и вдобавок освобождало от уплаты довольно крупной суммы налогов. Выразительную картину того, как это делалось, рисует группа документов, освещающих закулисную историю возникновения «Мазута».

Вторая полоса экспансии иностранного капитала охватывает уже предвоенные годы (1910–1914). Центром новой биржевой лихорадки был Лондон. Из 79 русских предприятий, акции которых котировались в это время на лондонской бирже, 55 было нефтяных с основным капиталом в 149 млн. руб. На этот раз английские капиталы устремились не

только в Баку и Грозный, но и в новые нефтеносные районы — Майкоп и Эмбу (Русские биржевые ценности., 1915, с. 107–110). Так же как и в конце XIX в., многие из вновь организуемых предприятий были дутыми, а само создание их являлось для банковских дельцов лишь средством спекулятивного обогащения. Наиболее характерна в этом отношении история майкопского «бума» 1909–1910 гг.

Значительная часть обществ, сфабрикованных в Сити, вообще не приступила к действию, а остальные подверглись реорганизации, в ходе которой учредители с громадной выгодой для себя «освободились» от большинства акций. Факты опровергают концепцию дореволюционных авторов (Брандта, Симоновича, Зива и др.), приписывавших иностранному капиталу чуть ли не определяющую роль в развитии нефтяной промышленности России. Мы видим, что «успешное» проникновение иностранного капитала было подготовлено предшествующим развитием нефтяной промышленности, как и экономическим развитием России в целом. Иностраный капитал не был в массе своей и носителем технического прогресса. Только в отношении нефтеэкспортного дела можно говорить о перенесении в Россию техники и готовых форм крупнокапиталистической организации.

В 1910–1911 гг. П.А. Гукасовым и С.Г. Лианозовым была высказана и затем получила распространение идея создания особого Паевого товарищества российских нефтепромышленных фирм, действовавших в Бакинском районе, в распоряжение которых должны были быть переданы без торгов свободные нефтеносные земли Бакинского района для совместной эксплуатации. Доля участия отдельных фирм определялась размером средней годовой добычи за последние 3 года: каждые 100 тыс. пудов добычи давали один пай. Таким образом, из 186 бакинских фирм 12 крупнейших (учитывая же «личную унию», только 8) получили 58%; фактически их «вес» мог быть еще больше, так как значительная часть мелких и средних промышленников находилась в финансовой зависимости от крупных фирм, вынуждена была бы передать им свои пай или голосовать при выборах правления за ставленников монополий. Операции Товарищества ограничивались исключительно добыванием нефти, на самом же деле (при господствующем положении нескольких крупнейших фирм в переработке нефти, в транспортировке и торговле нефтепродуктами) это ограничение, предоставляемое авторами проекта и Министерством торговли и промышленности, как «гарантия от спекуляции», носило чисто фиктивный характер. В конце 1911 г. законопроект о создании Паевого т-ва был уже выработан в Министерстве торговли и промышленности. Первоначально предполагалось передать Товариществу (по словам министра торговли и промышленности С.И. Ти-

машева, «в виде опыта») 100 десятин земли на исключительно льготных условиях (долевое отчисление от 15 до 35%). Кроме добычи нефти, Товариществу предоставлялись широкие права по ведению разведок на «невыясненных в промышленном отношении месторождениях Бакинского района». Большинство членов Совета министров во главе с В.Н. Коковцовым поддерживало проект. Его осуществлению помешала острая борьба вокруг «нефтяного вопроса» в IV Государственной думе и проведение через Думу новых Правил о сдаче нефтеносных земель с торгов (Монополистический капитал ..., 1961, с. 728).

Первая мировая война, а затем революция 1917 г. и национализация промышленности советской властью коренным образом изменили условия развития промышленности в России, в частности нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей ее отраслей.

Изданный в 1961 г. сборник архивных документов и материалы петербургских архивов дают возможность углубленного изучения истории ряда нефтепромышленных фирм дореволюционной России.

Таблица 1. Добычи нефти в России по фирмам, млн пуд.

Фирмы	1915 г.	1914 г.	1913 г.	1912 г.	1911 г.
I. Группа "Нобель"					
Т-во "Бр. Нобель"	65,9	62,9	68,4	70,5	66,8
Челекено-Дагестанское о-во	4,3	2,5	2,3	2,2	1,3
"Эмба", о-во	6,1	6,5	2,6	0,4	—
"Чимион", о-во	0,7	1	0,8	1,7	1,8
Русское нефтяное о-во	2,7	2,7	4,7	4,8	3,9
Итого по группе "Нобель"	79,7	75,6	78,8	79,6	73,8
II. Группа "Шелль"					
Каспийско-Черноморское о-во	31,4	28,3	32,5	34,4	32,6
"Шибает С. М."	5,2	5,3	5,4	6,4	7,2
"Соучастники"	3,2	3,5	4,5	3,9	4,8
"Кавказ", о-во	7,4	7,1	8,5	9,6	8,5
Русское нефтяное о-во	2,7	2,7	4,7	4,8	3,9
Урало-Каспийское о-во	9,8	9,5	4,5	1	—
Северо-Кавказское о-во	22,2	22,3	8,6	2,6	1,2
"Русский грозненский стандарт" (раньше: "Русский стандарт" и Я. В. Вишау)	9,9	13,6	10,4	14,3	22,6
Итого по группе "Шелль"	91,8	92,3	79,1	77,0	80,8
III. Группа Русская нефтяная корпорация (Ойль)					
Манташев и К° (включена добыча о-ва "Халафи"	15,2	17,9	23,4	24,8	28,3
Нафталанское о-во	3,6	4,4	5,0	5,7	4,7
Московско-Кавказское о-во	13,0	10,7	13,6	15,5	14,2
"Лианозов Г. С. и сыновья" (включена добыча Тифлисского о-ва на Биби-Эйбате, Мансвев- това и "Меликова А.С. и К°")	12,8	9,2	11,7	12,5	13,6
"Тер-Акопов И.Н.", о-во	6,0	5,7	5,6	4,8	4,6
Русское т-во "Нефть" (включена добыча о-ва "Колесникова И. Ф. сыновья")	21,6	17,2	13,0	11,6	10,4
Каспийское т-во	14,6	12,1	14,2	17,1	19,7
"Сюник"	0,8	0,9	0,9	0,9	0,6
"Мирзоевы бр."	8,1	11,7	14,2	15,6	18,8
"Арамазд"	4,9	5,5	6,6	5,7	5,1
Апшеронское о-во	1,3	1,2	1,7	1,8	1,8
"Шихово", о-во	2,5	2,8	2,8	3,6	0,4
"Аван Юзбашев"	—	0,3	0,6	0,8	0,4
Русское нефтяное о-во	2,7	2,7	2,3	2,4	1,9
А.И.Путилов, Англо-Русское Максимовское о-во, Наследники Максимова и Петроградское о-во	6,2	5,6	5,2	5,2	7,2
"Санто"	1,1	0,8	0,6	0,5	0,4
Белозерский	—	0,1	—	—	—
Итого по группе "Ойль"	114,4	108,8	121,4	128,5	132,1

III. Фирмы, примыкающие к группе "Ойль"

Московско-Волжское о-во	2,6	2,6	3,8	4,3	4,5
Нижегородское о-во	2,1	1,8	1,7	1,5	1,2
Рыльские наследники	5,2	7,4	6,4	4,8	3,1
Итого по группе "Ойль" и примыкающих к ней фирмам	124,3	120,6	133,3	139,1	140,9

IV. Фирмы, не примыкающие к указанным к группам

а) Бакинские:

Асадуллаев Ш.	6,6	9,7	9,2	8,4	9,9
Бакинское нефтяное о-во	36,1	32,1	21,5	26,2	25,6
Зубалов Л.К.	18,2	14,3	11,9	16,5	14,9
Нагиев М.	4,1	5,7	6,9	8,1	8,8
БОРН	5,2	5,1	6,3	7,0	6,7
"Литоев и К°"	8,0	7,3	12,7	13,6	14,0
Милдов И Таиров	2,8	3,3	6,9	2,6	1,7
Европейская корпорация нефтяной промышленности	4,7	4,6	5,2	5,5	5,9
"Бенкендорф и К°"	12,9	12,4	11,7	10,6	7,5
Российское нефтяное о-во	3,4	2,9	4,5	3,7	4,8
"Олеум"	3,9	4,0	5,1	6,2	5,7
Прочие фирмы	113,3	108,5	115,0	106,8	98,4

б) Грозненские:

"Ахвердов"	26,5	31,4	29,9	23,9	22,2
"Шпис"	13,7	19,2	13,8	16,5	20,4
Прочие фирмы	5,2	3,6	3,1	2,9	1,6

в) Майкопские:

О-во черноморское промышленности	1,8	1,1	1,7	4,7	3,2
Британское Майкопское о-во	0,2	0,6	0,9	0,9	–
Т-во "Победа"	0,1	0,2	0,7	2,5	3,6
Прочие фирмы	5,6	2,1	1,5	1,7	1,0

г) Острова Челекен

Таджинский	0,4	0,6	1,1	3,2	4,9
Челекенское нефтяное о-во	1,9	2,5	3,4	4,2	2,3
Прочие фирмы	0,3	0,1	0,3	0,4	0,2

д) Уральские:

"Эмба-Каспий	0,7	0,4	–	–	–
--------------	-----	-----	---	---	---

Итого по фирмам, не примыкающим к группам**Всего по всем группам**

288,6*	271,7	273,3	275,5	263,3
571,4	560,3	564,5	571,2	558,8

ДГИАЛ, ф. 1458, оп. 1, д.260, лл. 27-28. Гектогр.

* Так в таблице; следует: 275,6.

Таблица 2. Доходность нефтяных предприятий в 1912 г.

Наименование фирмы	Стоимость имущества	Амортизационный капитал	% погашения	Запасный капитал	Основной капитал	Прибыль	
						в руб.	в %
А. Предприятия нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие							
1. Т-во "Бр. Нобель"	30871478	—	—	33703980	16338747	13822616	29,83
					30000000		
2. Каспийско-Черноморское о-во	21135645	16407312	—	797955	10000000	4470501	44,75
3. Каспийское о-во	15104234	9776919	—	1126999	7500000	2230501	30,0
4. "А.И. Манташев и К°"	24870829	7556882	—	943001	11000000	3896282	35,42
5. Т-во "Г.М. Лионозова сыновья"	9884786	997582	—	3515390	8000000	2524469	31,55
6. О-во "Ахвердов и К°"	7684944	4713057	—	695630	5812500	3813056	65,22
Б. Предприятия нефтеперерабатывающие							
1. Бакинское о-во русской нефти (английское)	20481919	4774020	23,3	1605761	12344000	595668	45,0
2. Бакинское нефтяное о-во	14060853	6866317	49	7363481	6785500	5150689	75,90
3. Московско-Кавказское т-во	9632821	5582034	65,7	516299	4500000	2566444	57,00
4. О-во "Арамазд"	8488501	3441679	40,4	710189	4000000	783159	19,58
5. О-во "А.Н. Милов и А.Н. Таиров"	3077756	610382	19,8	36768	1200000	220707	18,84
6. Русское на Биби-Эйбате о-во	1747797	996360	53,5	146215	800000	925445	115,28
В. Предприятия нефтеобрабатывающие							
1. Т-во "В.И. Рагозин и К°" (Ярославль)	1840108	1095495	—	—	1300000	65712	5,05
2. О-во "В. Ропс и К°" (Петербург)	1380000	950000	—	133113	1200000	172510	14,37
3. Т-во Русско-Американского нефтяного производства (Москва)	507243	362766	—	61204	375000	48000	12,9
4. О-во нефтеперегонного завода К.Зиллера (Москва)	420441	40155	—	5713	600000	131174	21,86

Примечание. Таблица включает основные данные, характеризующие доходность 16 из 82 действовавших в России на 1912 г. нефтепромышленных акционерных компаний. В каждую из трех выделенных в таблице групп предприятий включены наиболее крупные. Данные заимствованы из официальных опубликованных отчетов этих предприятий, проверенных соответствующими губернскими казенными палатами, и в извлечениях, напечатанных в "Ежегоднике Министерства финансов". Графа "Прибыль" включает все виды прибылей отчетного года и выражает абсолютную (в рублях) и относительную (в процентах к основному капиталу) доходность предприятия за год. Учитывая обычное стремление акционерных предприятий скрыть действительные размеры их прибылей (в частности, в целях сокращения суммы налогов), данные графы "Прибыль" могут рассматриваться как минимальные. Таблица извлечена из "Краткого очерка русской нефтяной промышленности", составленного в 1915 г. Главным управлением неокладных сборов и казенной продажи питей. (ЦГИАЛ, ф. 575, оп. 11, д.413, л.430).

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

30 лет деятельности Товарищества нефтяного производства «Бр. Нобель». 1879–1909. СПб., 1914.

Бакинская нефтяная промышленность и Товарищество нефтяного производства «Бр. Нобель». Баку, 1896.

Былим-Колосовской Н.Д. Бакинская нефтяная промышленность и казенные земли, поступившие в разработку по 1893 г. СПб., 1903.

Двадцатипятилетие Товарищества нефтяного производства «Бр. Нобель». СПб., 1904.

Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883–1914. М.; Л., 1961.

Першке С. и Л. Русская нефтяная промышленность, ее развитие и современное положение в статистических данных. Тифлис, 1913.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 3. 1892. Т. XII.

Российский государственный исторический архив (РГИА).

Русские биржевые ценности 1914–1915 гг. / Под ред. М.И. Боголепова. Пг., 1915.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)

Working paper

The development of the oil industry in Russia has passed through two stages. The first stage embraces the period of approximately 1872–1901. This is a time of rapid expansion. In order to achieve production of 200 million poods, it took Baku industry eighteen years, to double this extraction it took six years, to triple it took another five years. By the end of the XIXth century Russia ranked first in the world in the sphere of oil production, and was ahead of the United States. The second phase (1902–1917). The time of increasing decline. The oil industry, the only one of all the branches in the Russian industry, failed to reach the pre-crisis levels. All-Russian oil production, reaching in 1901 706 million poods, in 1905 fell to 456 million poods, and it increased slightly in subsequent years, and namely from 490 million poods in 1906 to 588 million poods in 1910, and again it went down up to 560 million poods in 1913, i.e. it declined in the years of industrial expansion. As a result, Russia's share in the world production decreased nearly threefold — from 51.6% in 1901 (United States — 39.8%) to 18.1% in 1913 (United States — 62.2%).

Oilmen have constantly offered as an explanation for the decline in the oil industry the version of «depletion», the version that has gained an official status. However, even in Baku area (which in 1913 produced nearly 70% of the Russian oil) there was no natural depletion of resources. There was a progressive decline in average productivity of oil wells. The majority of prepared oil wells were either abandoned and were not exploited or were exploited only a few months per year. These phenomena were primarily due to the predatory oil extraction in the preceding decades. Reduced productivity was not substituted by any intensification of exploration, drilling, production. But the oil industry, in its very nature requires continuous investment, innovation and improvement of production technology, without which it is impossible not only to increase production, but also to preserve its old size. The technology (engineering) remained the same in oil Baku area at the level of 1870–1880-s when the industrial revolution completed there.

Improvement of the technology of oil production was restrained, in particular, by the possibility of exploiting abundant cheap labor. The number of workers directly employed in the fields of Baku, with 680 people in 1873 rose to 6 thousand in 1890 and 28 thousand in 1901, remaining about the same level during all the pre-revolutionary years. Peasants flocked to Baku driven by the shortage of arable land and poverty, willing to accept any working conditions, coming from agricultural provinces of the center

of Russia, from different parts of the Caucasus, from Dagestan, from South (Iranian) Azerbaijan.

Russia (with its cold winters) was a country of chronic fuel shortages. «Fuel starvation» was both coal and oil starvation. Each of them had its own peculiarities: in one case it was the restriction of coal production growth, lagging behind the demand growth (especially if you include the consumers demand switching from oil to coal), in the other case it was the decline of oil production and, especially, a significant increase in the price. In 1910–1913 oil prices and fuel oil increased by at least three times and this happened against the background of a long, almost continuous increase of more than sixfold in ten years (from 1902). If you take the data of separate months and take into account differences in prices for certain consumer groups, the picture will become even more expressive.

Oil «hunger» hit the whole of the river traffic, trade and industry in the Volga region and other surrounding areas earlier and to a greater extent. Many boat companies went bust, even raising freights did not save them from losses. Close to this was the situation with a number of railroads, factories and plants. At the same oilmen's profits were twice as much, and the profits of the largest companies were more than three times higher than the rate of profit, that all the Russian capital had.

It's worthwhile to note an important feature of the development of Russian oil industry at that time: clearly manifested inequalities not only between large enterprises and small and medium-sized, but also among the very large ones, with the separation of a few giant companies at that time. These include, first of all, Partnership «Br. Nobels», founded in 1879 and which by 1883 had reached, according to the company's report, «the period of the full development of their operations». This date may be accepted as a starting point of formation of the firms which claimed to have a dominant (monopoly) position in the oil industry in Russia.

The scale and shape of enterprises connecting all types of oil production, transport means and trade in petroleum products, indicated that by the end of the XIXth – the beginning of the XXth century the process of transformation of «free» competition into the dominance of individual firms in the oil industry had gone much further than in the related from the standpoint of socio-economic structure sectors of the mining industry of South Russia (coal and steel), not to mention other sectors of the Russian industry.

The structure of the oil industry in Russia was very uneven. At one extreme there were large capitalist enterprises, while at the other there were lots of small and medium-sized businesses with quite a primitive organization of production. Small-scale production or the so-called artisanal mining remained in a fairly large scale up to the end of the XIXth century.

Displaced by the competition of large enterprises, it almost melted away in the early 1900-ies. But then, in connection with the oil crisis in the pre-war years, it grew again. Individual and family businesses dominated quantitatively, often they operated in the archaic form of «trading houses».

At the beginning of XX century, especially in the pre-war years, (with the crucial participation of private banks), an intensive process of corporatization of the oil industry was taking place. A lot of new joint-stock companies were added to the existing major ones. Joint stock companies become the main form of organization of oil enterprises. There was a known leveling in their economic structure and legal status. The number of independent companies drastically reduced, in size, unyielding to the precise statistical expression since disguised forms of this process dominated (the system of «participation», personal union, etc.). The previous owners either left the «deal», being replaced by front persons of banks or became obedient customers of banks. Only few of the major oilmen like Lianozov, Mantashev and some others, joining the top of the bank, filled up rows of the financial elite.

Such a balance of power remained with minor changes up to the pre-war years, when in oil Baku a number of new financial-industrial groups and trust associations appeared while the old ones became more clear «newest-capitalist» character. In some cases, this process occurred in the form of a simple change of masters: so, for example, the place of the Rothschilds was taken by the world petroleum trust Royal Dutch Shell C^o; in others it happened through the transformation of nominally independent companies into subsidiaries and dependents (both Shell and Nobel operated like this). The most important fact of that period was the creation of the Russian General Oil Corporation which was one of the largest monopolies in Russia.

On the eve of the First World War, the share of the ten largest firms accounted for 53% of all mined oil lands, including the share of the four companies (Partnership «Br. Nobels», Baku oil island, «Br. Mirzoyevs» and the Caspian-Black Sea Island) — 36% of the land with the best quality. The seizure of oil lands served as a source of additional profit for monopolists and a means of protection from new competitors. «Land hunger», which oilmen did not stop complaining about, was one of the factors of price rise. It made up for the implementation of the long-standing plan of the oil tycoons: to appropriate the whole rest of yet undistributed state land, a plan which, under the flag of the so-called «limited partnership» was very close to its accomplishment on the eve of the war.

The world economic crisis of 1900–1903 made an impact on the oil industry in Russia in the late 1900-early 1901. Oil products reserves grew,

prices on them plunged in Baku, even though oil production continued to increase reaching in 1901 the maximum of 707.2 million poods

Joint-stock companies in the oil industry of Russia in general remained profitable and even in the condition of the world economic crisis of 1900–1903. Such companies as the Partnership of the Nobel brothers, the Caspian and Black Sea petroleum and trading Company, Baku oil Company, Russian Partnership «Oil» and Caspian Partnership, gave dividends at the rate of \$ 20–37 or even \$ 68.

The materials published in 1961 deal with the establishment of the Union of Oil producing Companies by the Partnership of «Br. Nobels» and Caspian-Black Sea Company in 1892 — the so-called «Union of Baku kerosene producers» — for the sales of Russian kerosene abroad and division of influence spheres with the Rockefeller oil trust. The outcome of the struggle was determined, ultimately, both by the superiority of financial strength and trading organization of the U.S. Trust, and the exigencies of controversy within anti-Rockefeller «coalition»: contradictions between Nobel and Rothschild, between them and the rest of Baku firms, and finally, between Russian exporters and British commissioners who continuing to hold in their hands most of the Russian export of kerosene were beginning simultaneously to turn into oilmen in different parts of the world — in India, Indonesia and in Russia itself.

By the end of the crisis, to be more precise, by 1905, the positions of Baku monopoly in world markets had weakened. According to calculations relating to the beginning of the XXth century, the oil industry in the «normal conditions» brought 100 million rubles into treasury a year, the sum consisted of 30 million rubles of the excise tax, 10 million rubles of the rental income and 60 million rubles of the railroad and other income. It should be added that the Czarism which finances were in a state of chronic disorder since the Crimean War was trying to find the way out of the situation in the maximum expansion of exports and savings, thus, of the gold reserve which was the basis for the monetary reform and the preservation of the future budget balance.

As in other sectors of the extractive industries, foreign capitalists took extensive advantage over the royal government's «enforcement» and «encouraging» measures. The emergence of the Rothschilds in the mid 1880-ies paved the way to the expansion of the Western European capital. Its culminating point is at the end of the XIXth century, a time when Western Europe and the United States were in the process of quick formation of financial capital which rushed far beyond their national borders in the search for new, more profitable areas of application.

The second wave of the expansion of foreign capital covers already the pre-war years (1910–1914). The center of new stock fever was London.

Out of 79 Russian companies whose shares were quoted on the London Stock Exchange at that time, 55 belonged to oil companies with the basic capital of 149 million rubles. This time the British capital rushed not only to Baku and Grozny, but to the new oil regions such as Maykop and Embu. As well as at the end of the XIXth century many of the start up companies were bubble ones, and their establishment was a means of speculative profiteering for bank dealers. The most typical in this respect is the history of the Maikop «boom» of 1909–1910.

A great number of companies, fabricated in the City, did not start at all to operate and the rest were subjected to reorganization, during which the founders «got rid» of the majority of shares with huge profits for themselves. The facts refute the concept of the pre-revolutionary authors (Brandt, Simonovich, Ziv, and others) who attributed almost the determining role in the development of the oil industry in Russia to foreign capital. We see that the «successful» penetration of foreign capital had been prepared by the prior development of the oil industry as well as by the economic development of Russia as a whole. Foreign capital on the whole was not a bearer of technical progress either. Only in respect to oil export business we can speak about transfer of technology and finished forms of large capitalist organization to Russia.

In 1910–1911 P.A. Gukasov and S.G. Lianozov propounded an idea which was later widely spread that a special Share Partnership of Russian petroleum companies operating in Baku area should be created and that it should be given without biddings oil lands of Baku oil area for the joint exploitation. The participation percentage of individual firms was determined by the average annual oil production over the past 3 years: every 100 thousand poods of production gave one share. Thus, out of 186 Baku companies 12 largest firms (given the «personal union», only 8) got 58%, in fact, their «weight» could have been greater because a large number of small and medium-sized manufacturers were in the financial dependence on large firms and had to give them their shares or vote for monopolies protégés in the election of the board. Transactions of the Partnership were restricted to only extraction of oil, in fact (with the dominance of several major companies in the petroleum refining, transportation and trade in petroleum products) this restriction provided by the authors of the project and the Ministry of Trade and Industry as a «guarantee against speculation» was purely of fictitious character. At the end of 1911 a bill to establish the Share Partnership was already developed by the Ministry of Trade and Industry. It was originally intended to give the Share Partnership (according to the words of the Minister of Trade and Industry S. Timashev, «in the form of practice») 100 dessiatinas of land on exceptionally preferential terms (equity allocation from 15 to 35%). Apart from oil extraction the

Partnership was given extensive rights to carry out exploration of «unexplored from the industrial standpoint fields of Baku area». Most members of the Council of Ministers headed by V.N. Kokovtsov supported the project. Its implementation was prevented by a severe struggle around the «oil issue» in the State Duma of the IV-th convocation and passing through the Duma new Regulations on the withdrawal of oil lands from auctions.

The First World War and then the revolution of 1917 and the nationalization of industry by the Soviet power drastically changed the conditions of industrial development in Russia, particularly its oil and petroleum refining industries.

Опубликованные научные доклады

№ 1(R)–2005	А. В. Бухвалов Д. Л. Волков	Фундаментальная ценность собственного капитала: использование в управлении компанией
№ 2(R)–2005	В. М. Полтерович О. Ю. Старков	Создание массовой ипотеки в России: проблема трансплантации
№1(E)–2006	I. S. Merkurjeva	The Structure and Determinants of Informal Employment in Russia: Evidence From NOBUS Data
№ 2(R)–2006	Т. Е. Андреева В. А. Чайка	Динамические способности фирмы: что необходимо, чтобы они были динамическими?
№ 3(R)–2006	Д. Л. Волков И. В. Березинец	Управление ценностью: анализ основанных на бухгалтерских показателях моделей оценки
№ 4(R)–2006	С. А. Вавилов К. Ю. Ермоленко	Управление инвестиционным портфелем на финансовых рынках в рамках подхода, альтернативного стратегии самофинансирования
№ 5(R)–2006	Г. В. Широкова	Стратегии российских компаний на разных стадиях жизненного цикла: попытка эмпирического анализа
№ 6(R)–2006	Д. В. Овсянко В. А. Чайка	Особенности организации процесса непрерывного улучшения качества в российских компаниях и его связь с процессами стратегического поведения
№ 7(R)–2006	А. Н. Козырев	Экономика интеллектуального капитала
№ 8(R)–2006	Н. А. Зенкевич, Л. А. Петросян	Проблема временной состоятельности кооперативных решений
№ 9(R)–2006	Е. А. Дорофеев, О. А. Лапшина	Облигации с переменным купоном: принципы ценообразования
№ 10(E)– 2006	Т. Е. Andreeva V. A. Chaika	Dynamic Capabilities: what they need to be dynamic?
№11(E)–2006	G. V. Shirokova	Strategies of Russian Companies at Different Stages of Organizational Life Cycle: an Attempt of Empirical Analysis
№12(R)–2006	А. Е. Лукьянова, Т. Г. Тумарова	Хеджевые фонды как инструменты снижения рисков и роста ценности компании
№13(R)–2006	Л. Н. Богомолова	Применение этнографических методов для изучения процессов принятия потребительских решений
№14(R)–2006	Е. К. Завьялова	Особенности профессионально-личностного

		потенциала и развития карьеры линейных менеджеров отечественных производственных предприятий
№15(R)–2006	С. В. Кошелева	Удовлетворенность трудом как комплексный диагностический показатель организационных проблем в управлении персоналом
№16(R)–2006	А. А. Румянцев, Ю. В. Федотов	Экономико-статистический анализ результатов инновационной деятельности в промышленности Санкт-Петербурга
№17(R)–2006	Е. К. Завьялова	Взаимосвязь организационной культуры и систем мотивации и стимулирования персонала
№18(R)–2006	А. Д. Чанько	Алгебра и гармония HR-менеджмента. Эффективность обучения персонала и диагностика организационной культуры
№19(E)–2006	T. E. Andreeva	Organizational change in Russian companies: findings from research project
№20(E)–2006	N. E. Zenkevich, L. A. Petrosjan	Time-consistency of Cooperative Solutions
№21(R)–2006	T. E. Андреева	Организационные изменения в российских компаниях: результаты эмпирического исследования
№22(R)–2006	Д. Л. Волков, Т. А. Гаранина	Оценивание интеллектуального капитала российских компаний
№23(R)–2006	А. В. Бухвалов, Ю. Б. Ильина, О. В. Бандалюк	Электронное корпоративное управление и проблемы раскрытия информации: сравнительное пилотное исследование
№24(R)–2006	С. В. Кошелева	Особенности командно-ролевого взаимодействия менеджеров среднего и высшего звена международной и российских компаний
№25(R)–2006	Ю. В. Федотов, Н. В. Хованов	Методы построения сводных оценок эффективности деятельности сложных производственных систем
#26(E)–2006	S. Kouchtch, M. Smirnova, K. Krotov, A. Starkov	Managing Relationships in Russian Companies: Results of an Empirical Study
№27(R)–2006	А. Н. Андреева	Портфельный подход к управлению люксовыми брендами в фэшн-бизнесе: базовые концепции, ретроспектива и возможные сценарии
№28(R)–2006	Н. В. Хованов,	Модели учета неопределенности при

	Ю. В. Федотов	построении сводных показателей эффективности деятельности сложных производственных систем
№29(R)–2006	Е. В. Соколова, Ю. В. Федотов, Н. В. Хованов.	Построение сводной оценки эффективности комплексов мероприятий по повышению надежности функционирования объектов электроэнергетики
#30(E)–2006	M. Smirnova	Managing Buyer-Seller Relationships in Industrial Markets: A Value Creation Perspective
№31(R)–2006	С. П. Куш, М. М. Смирнова	Управление взаимоотношениями в российских компаниях: разработка концептуальной модели исследования
№32(R)–2006	М. О. Латуха, В. А. Чайка, А. И. Шаталов	Влияние «жестких» и «мягких» факторов на успешность внедрения системы менеджмента качества: опыт российских компаний
№33(R)–2006	А. К. Казанцев, Л. С. Серова, Е. Г. Серова, Е. А. Руденко	Индикаторы мониторинга информационно-технологических ресурсов регионов России
№34(R)–2006	Т. Е. Андреева, Е. Е. Юртайкин, Т. А. Солтицкая	Практики развития персонала как инструмент привлечения, мотивации и удержания интеллектуальных работников
#35(E)–2006	T.Andreeva, E.Yurtaikin, T.Soltitskaya	Human resources development practices as a key tool to attract, motivate and retain knowledge workers
№36(R)–2006	А. В. Бухвалов, В. Л. Окулов.	Классические модели ценообразования на капитальные активы и российский финансовый рынок. Часть 1. Эмпирическая проверка модели CAPM. Часть 2. Возможность применения вариантов модели CAPM
№37(R)–2006	Е. Л. Шекова	Развитие корпоративной социальной ответственности в России: позиция бизнеса (на примере благотворительной деятельности компаний Северо-Западного региона)
№38(R)–2006	Н. А. Зенкевич, Л. А. Петросян	Дифференциальные игры в менеджменте
№39(R)–2006	В. Г. Беляков, О. Р. Верховская, В. К. Дерманов, М. Н. Румянцева	Глобальный мониторинг предпринимательской активности Россия: итоги 2006 года
№40(R)–2006	В. А. Чайка, А. В. Куликов	Динамические способности компании: введение в проблему
№41(R)–2006	Ю. Е. Благов	Институционализация менеджмента

		заинтересованных сторон в российских компаниях: проблемы и перспективы использования модели «Арктурус»
№42(R)–2006	И. С. Меркурьева, Е. Н. Парамонова, Ю. М. Битина, В. Л. Гильченко	Экономический анализ на основе связанных данных по занятым и работодателям: методология сбора и использования данных
#43(E)–2006	I.Merkuryeva, E. Paramonova, J. Bitina, V. Gilchenok	Economic Analysis Based on Matched Employer-Employee Data: Methodology of Data Collection and Research
№44(R)–2006	Н. П. Дроздова	Российская «артельность» — мифологема или реальность' (Артельные формы хозяйства в России в XIX — начале XX в.: историко-институциональный анализ)
№1(R)–2007	Е. В. Соколова	Бенчмаркинг в инфраструктурных отраслях: анализ методологии и практики применения (на примере электроэнергетики).
№2(R)–2007	С. П. Куш, М. М. Смирнова	Управление поставками в российских компаниях: стратегия или тактика
№3(R)–2007	Т. М. Скляр	Проблема ленивой монополии в российском здравоохранении
№4(R)–2007	Т. Е. Андреева	Индивидуальные предпочтения работников к созданию и обмену знаниями: первые результаты исследования
№5(R)–2007	А. А. Голубева	Оценка порталов органов государственного управления на основе концепции общественной ценности
№6(R)–2007	С. П. Куш, М. М. Смирнова	Механизм координации процессов управления взаимоотношениями компании с партнерами
#7(E)–2007	D.Volkov, I.Berezinets	Accounting-based valuations and market prices of equity: case of Russian market
№8(R)–2007	М. Н. Барышников	Баланс интересов в структуре собственности и управления российской фирмы в XIX – начале XX века
#9(E)–2007	D.Volkov, T.Garanina	Intellectual capital valuation: case of Russian companies
№10(R)–2007	К. В. Кротов	Управление цепями поставок: изучение концепции в контексте теории стратегического управления и маркетинга.
№11(R)–2007	Г. В. Широкова, А. И. Шаталов	Характеристики компаний на ранних стадиях жизненного цикла: анализ факторов, влияющих на показатели результативности

		их деятельности
№12(R)–2007	А. Е. Иванов	Размещение государственного заказа как задача разработки и принятия управленческого решения
№ 13(R)-2007	О. М. Удовиченко	Понятие, классификация, измерение и оценка нематериальных активов (объектов) компании: подходы к проблеме
№14(R)–2007	Г. В. Широкова, Д. М. Кнатъко	Влияние основателя на развитие организации: сравнительный анализ компаний управляемых основателями и наемными менеджерами
#15(E)–2007	G.Shirokova, A.Shatalov	Characteristics of companies at the early stages of the lifecycle: analysis of factors influencing new venture performance in Russia
#16(E)–2007	N.Drozdova	Russian “Artel’nost” — Myth or Reality? Artel’ as an Organizational Form in the XIX — Early XX Century Russian Economy: Comparative and Historical Institutional Analysis
#1(E)–2008	S.Commander, J. Svejnar, K. Tinn	Explaining the Performance of Firms and Countries: What Does the Business Environment Play'
№1(R)–2008	Г. В. Широкова, В. А. Сарычева, Е. Ю. Благов, А. В. Куликов	Внутрифирменное предпринимательство: подходы к изучению вопроса
№1A(R)– 2008	Г. В. Широкова, А. И. Шаталов, Д. М. Кнатъко	Факторы, влияющие на принятие решения основателем компании о передаче полномочий профессиональному менеджеру: опыт стран СНГ и Центральной и Восточной Европы
№ 2(R)–2008	Г. В. Широкова, А. И. Шаталов	Факторы роста российских предпринимательских фирм: результаты эмпирического анализа
№ 1(R)–2009	Н.А. Зенкевич	Моделирование устойчивого совместного предприятия
№ 2 (R)–2009	Г. В. Широкова, И. В. Березинец, А. И. Шаталов	Влияние организационных изменений на рост фирмы
№ 3 (R)–2009	Г.В. Широкова, М.Ю. Молодцова, М.А. Арепьева	Влияние социальных сетей на разных этапах развития предпринимательской фирмы: результаты анализа данных Глобального мониторинга предпринимательства в России
# 4 (E)–2009	N.Drozdova	Russian Artel Revisited through the Lens of the New Institutional Economics

